

МИХАИЛ² ЖВАНЕЦКИЙ

семидесятые

собрание произведений

Михаил Михайлович Жванецкий

Собрание произведений в пяти томах. Том 2. Семидесятые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180866

Михаил Жванецкий. Собрание произведений в пяти томах. Том 2.

Семидесятые: Время; Москва; 2006

ISBN 978-5-9691-0947-6

Аннотация

«В 1958 году «Парнас-2» был представлен А. Райкину в Ленинграде. Актеры все сели в зал, а мы после их спектакля вышли на еще горячую сцену... Начался ленинградский период вначале Р. Карцева, затем – В. Ильченко и в 1964 году – мой.

Три года без копейки и квартиры с одними надеждами и, как рассказывала моя теща во дворе, – с одними автографами. Жена ушла от меня правильно. Театр Райкина не платил три года. Они, оказывается, перерасходовали средства, да и необязательно покупать у того, кто сам приносит и ликует от похвал.

Р. Карцев одалживал по десятке, залезая под кровать и копаясь в чемодане, мама посылала в письмах по три рубля. Я ходил пешком на Васильевский в столовую при Кунсткамере (там обед стоил 50 коп.) и, наконец, рухнул, не смог. Сказал А.И.Р., что я уезжаю, и, главное, его жене, что и сыграло свою роль: первые 500 рублей и первый спектакль «Светофор» в 1967-м, и с тех

пор я профессионал, могу заработать. С 1969 года я живу в Ленинграде и пишу, пишу, пишу и, к сожалению, читаю это вслух на всяких вечерах, то есть читаю то, что не берет театр, но все-таки этого делать не следовало. Меня, целуя и обнимая, увольняют. Я пытался спиться, но довольно неумело».

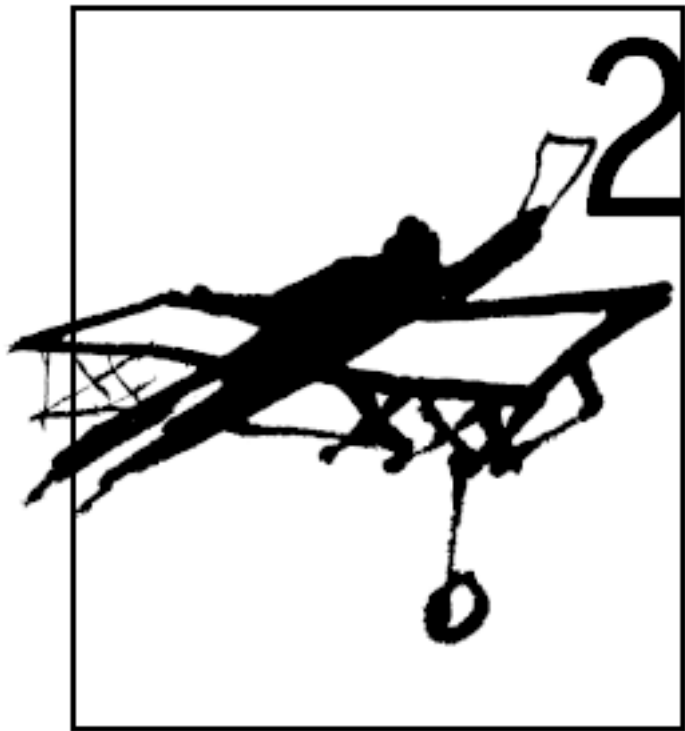
Михаил Жванецкий

Содержание

Какое-то напутствие из 70-х	8
Леониду Осиповичу Утесову	18
К морю	23
Коротко о себе	25
У кассы	27
Дегустация	31
На складе	35
Я люблю Новый год	46
Я при себе	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Жванецкий
Собрание произведений
в пяти томах
Том 2
Семидесятые

Рисунки Резо Габриадзе

...В 1958 году «Парнас-2» был представлен А. Райкину в Ленинграде. Актеры все сели в зал, а мы после их спектакля вышли на еще горячую сцену... Начался ленинградский период вначале Р. Карцева, затем – В. Ильченко и в 1964 году – мой.

Три года без копейки и квартиры с одними надеждами и,

как рассказывала моя теща во дворе, — с одними автографами. Жена ушла от меня правильно. Театр Райкина не платил три года. Они, оказывается, перерасходовали средства, да и необязательно покупать у того, кто сам приносит и ликует от похвал.

Р. Карцев одалживал по десятке, залезая под кровать и копаясь в чемодане, мама посылала в письмах по три рубля. Я ходил пешком на Васильевский в столовую при Кунсткамере (там обед стоил 50 коп.) и наконец рухнул, не смог. Сказал А. И. Р., что я уезжаю, и, главное, его жене, что и сыграло свою роль: первые 500 рублей и первый спектакль «Светофор» в 1967-м, и с тех пор я профессионал, могу зарабатывать. С 1969 года я живу в Ленинграде и пишу, пишу, пишу и, к сожалению, читаю это вслух на всяких вечерах, то есть читаю то, что не берет театр, но все-таки этого делать не следовало. Меня, целуя и обнимая, увольняют. Я пытался спиться, но довольно неумело...

Какое-то напутствие из 70-х

Для А. Райкина

– Товарищи! Мы все собрались сегодня, чтобы почтить игроков в футбол, выбывающих за рубеж.

Товарищи игроки! Народ вам доверил игру в футбол. Почему народ не доверил игру в футбол врачам или писателям? Потому что интеллигенция такого доверия не выдерживает – у нее пенсне падает. Дай писателю мяч, он его сразу пошлет не туда. У нас уже были такие случаи, поэтому народ это дело доверяет вам.

Народ вас одевает, обувает, кормит, поит, стрижет. Вам остаются пустяки – выиграть все игры. Золотая богомать должна быть наша. Нам нужна победа. Ничья нам не нужна. Я уже не говорю о поражении, которое мы не потерпим.

Запомните памятку игрока, выбывающего за рубеж. Прежде всего – ничего, никто, нигде, ни о чем. Ни пипсни! Это спорт, это игра. Здесь главное – престиж и тайна! До последнего момента мы не должны знать, кто поедет. Те, кто выехали, пусть думают, что они остались, а те, кто остались, пусть думают, что хотят. Из тех, которые все-таки выехали, никто не должен знать кто выйдет на поле. Из тех, кто выйдет, никто не должен знать, кто будет играть. Из тех, кто будет играть, никто не должен знать, с кем будет играть. Кое-

кто говорит, что команда будет несыгранна. Пусть противник, как огня, боится нашей несыгранной команды. Пусть и в слабом виде – наша команда будет пугалом для всех остальных.

Игроку, выбывающему за рубеж, ясно, что он должен победить, но неясно, как это сделать. Для этого, перед тем как дать пас, сядь, подумай, кому ты даешь мяч. В чьи руки пойдет народное добро? Куда он смотрит? Какие у него взгляды? Готов ли он к твоему мячу? Перед тем как ударить по воротам, сядь, подумай, а вдруг – мимо. Что скажут твои товарищи из вышестоящих организаций? Какой вой подыметь белоэмигрантское охвостье. Подумай об ответственности и лучше отдай мяч назад. Там старшие товарищи, они разберутся. И помни: если народ поставил тебя левым крайним, люби свой край! Береги свой край! Наш край врагу не отдадим!

Кое-кто злопыхательствует про недостатки техники и материальной базы. Правильно говорят злопыхатели, есть недостаток – нет базы, а мы восполним все это дружбой, напором и душевно-духовными качествами.

Мы получили приветственные телеграммы от наших славных тружеников. Разрешите за честь.

«Мы, работники рыболовного колхоза имени Залпов Авроры, в честь чемпионата мира обязуемся переловить всю рыбу, оставшуюся в Каховском море. Подпись: колхозные рыболовы».

В заключение скажу от себя: возвращайтесь с победой, если вы любите своего тренера. В крайнем случае он один ответит за все! Спасибо за внимание!

Слово берет особоуполномоченный врач-психолог:

– Победить! Вашу... Во что бы то ни стало – победить! Наши мальчики! Наши ребята! Вперед! Каждый незабитый мяч – это вода на мельницу врага. Товарищи! Ребята! Мальчики! Если вы не выиграете, каждый день будут собрания с докладами по два часа. Победить! У тебя мама есть? А ты подумал о том, что скажут маме вышестоящие организации? Все смотрят на вас по телевизору. Проиграть мы имеем возможность, но не имеем права! Если проиграем – все конечно! Лучше не возвращайтесь! То есть возвращайтесь, но не появляйтесь! Для встречи выделена команда боксеров!

Я говорю, товарищи, спорт – это есть спорт: один раз можно и выиграть, а можно выиграть и не раз. Все золото должно быть наше, и серебро, и бронза! Товарищи! Ребята! Мальчики! Вы же любите своего тренера, вы же не хотите, чтобы он один ответил за все!

Ой! Зачем столько нервов тратить? Посмотрите, кто наши соперники. Италия. Что, мы их боимся? Кто боится Италию, встаньте! Никто не боится.

Чили. Ну что такое Чили-чили-чили? Чили! Ой! Мы же их переиграем в первые десять минут. Мы ж им навяжем такой самашедший темп, что они удерут со стадиона, лягут ниц. Мы ж по ним будем носиться туда-сюда и забивать. Че-

рез пятнадцать минут уйдем.

Корея – это ж наши друзья! Что, они не поймут? Португалия. Эйсебио... Ой, кто он такой? Ой, то ж пацан. Мы его в клещи возьмем, и он до конца своих дней оттуда не выберется. Он же не видел наших клещей! Швейцария... Что это за страна? Она ж меньше Могилева. Какая ж у них команда? На нее крикнешь, и она умрет. И ходить не надо на игру. Двух ребят поздоровей, чтоб покрикивали, и все.

Перехожу к главному ореху – Бразилия. Команда ничего. Там кое-кто может нам исказать картину. Но у всех один дефект – не приспособленные к Англии. У них жара, а у нас в Англии туман. Мы им навяжем сумашедшую скорость с силовой борьбой в тумане. Туман надо обязательно использовать. Начать игру так, чтобы они даже не видели, когда мы на поле выбежим. А потом перебегать, мелькать в тумане. Пусть они нас ищут. Может, и не найдут. А к концу игры мы из тумана повыскакуем и навяжем им силовую борьбу с самашедшей скоростью. Тут они и побегут и за явным преимуществом прекратят сопротивление!

Болельщик. Я маленький человек. Я телеболельщик. У меня душа в теле. У меня маленькая просьба о маленьком одолжении: мы, болельщики, хотим смотреть по телевизору побольше матчей. Если вы вылетите в самом начале, телевидение потеряет к ним и к нам интерес, и мы ничего не увидим. Кому интересно смотреть пьесу, где героя убивают в первом акте. Ребята, держитесь до последнего. Чепляйтесь

зубами. Мы хотим видеть все матчи.

Грузин. За грузинский футбол я спокоен. Нам слава не нужна. У нас есть Слава – Метревели, есть Миша Месхи, Хурцилава. ФИФА боялась чемпионат в Тбилиси проводить. ФИФА решила – в Лондоне. А в Тбилиси мы бы им классный футбол показали – у нас как раз на будущий год взлет намечается. А вот что скажу ниже. Я понятно говорю – ниже? Я не буду нагибаться, я просто скажу ниже. Если проиграете – ничего страшного – будет совещание ФИФЫ. И вынесут постановление считать вас чемпионами. У нас как в этом году договорились: семнадцать команд, из них три вылетало. Боролись, боролись, убивали друг друга, травмировали. Зачем? Чемпионат кончали, было совещание, и все хорошо. Семнадцать команд было, три выскочили, осталось девятнадцать.

Главное в спорте – это не борьба. Главное – совещание. Мы желаем нашим футболистам успехов в Англии. Мы будем болеть за них. Ни пуха ни пера!

– Дети, дети, поближе. Старшие внизу, не заслоняйте собой младших. Родители на стульях. Мамаша, возьмите на руки маленького, чуть в сторонку, чтоб не заслонял... Вот так... Сзади плотнее, пожалуйста. Сейчас, сейчас... Минутку. Кто спешит... Все успеют... Вот вы очень высокий... Пропустите вперед девушку... А вы почему не хотите... Ближе. Плотнее. Улыбайтесь... Вы, вы. Не надо грустить. Пусть вы останетесь веселым... Вот-вот... Хорошо. Все улыбаются. Внимание. Пли!!!

Ум и талант не всегда встречаются. А когда встречаются, появляется гений, которого хочется не только читать, но и спросить о чем-то.

Самое вкусное вредно.

Самое приятное аморально.

Самое острое незаконно.

Отсюда такая задумчивость в глазах каждого сидящего на собрании.

Хорошенькую женщину надо поддержать на морозе, подождать, пока она чуть присыпется снегом, потом ввести в помещение и быстро целовать, пока она не оттаяла.

Они очень вкусны со снежком до своих сорока и до ваших пятидесяти.

В. Г. Гусев
2000

Он так упорно думал о куске колбасы, что вокруг него собрались собаки.

Ты женщина. Ты должна: раз – лежать! И два – тихо!

Когда мы добьемся, что руководитель, специалист, интеллигент будет один и тот же человек, мы постараемся, чтоб он нам сказал: «Спасибо, ребята!»

Леониду Осиповичу Утесову

*Мы живем в такое время, когда авангард
искусства располагается сзади.*

Прохожий

Нет, что-то есть в этой почве. Нет, что-то есть в этих прямых улицах, бегущих к морю, в этом голубом небе, в этой зелени акаций и платанов, в этих теплых вечерах, в этих двух усыпанных огнями многоэтажных домах, один из которых медленно отделяется от другого и пропадает. Нет, что-то есть в этих людях, которые так ярко говорят, заимствуя из разных языков самое главное.

– Я хожу по Одессе, я ничего не вижу интересного.

– Вы и не увидите, надо слышать. И перестаньте ходить. Езжайте в Аркадию стареньким пятеньким трамваем, садитесь на скамейку, закройте глаза... Ш-ш-ш, – вода накатывается на берег, – ш-ш-ш...

– Внимание! Катер «Бендиченко» отходит на десятую станцию Фонтана...

– «Это очень, очень хорошо...»

– «Ах, лето...»

– Потерялся мальчик пяти-шести лет, зовут Славик. Мальчик находится в радиоузле. Ненормальную мамашу просят подойти откуда угодно.

– Граждане отдыхающие! Пресекайте баловство на воде! Вчера утонула гражданка Кудряшова и только самозабвенными действиями ее удалось спасти.

– Ой, я видела эту сцену. Они все делали, но не с той стороны. А, это искусственное дыхание не с той стороны... Она хохотала как ненормальная.

– Скажите, в честь чего сегодня помидоры не рубль, а полтора? В честь чего?

– В честь нашей встречи, мадам.

– Остановись, Леня! Что делает эта бабка?

– Она думает, что она перебегает дорогу. Я не буду тормозить.

– У вас есть разбавитель?

– Нету.

– В бутылках.

– Нету.

– В плоских бутылках...

– Нету.

– У вас же был всегда!

– Нету, я сказала!

– Не надо кричать. Вы могли отделаться улыбкой.

– Что ты знаешь! Я не могу с ним ходить по магазинам, он им подсказывает ответ. «Скажите, пива нет?» Они говорят: «Нет». «А рыбы нет?» Они говорят: «Нет». Тридцать лет я с ним мучаюсь. Он газету не может купить. Он говорит: «Газет нет?» Они говорят: «Нет».

– Алло, простите, утром от вас ушел мужчина... Ну не стесняйтесь, мне другое надо узнать. Каким он был, вы не вспомните? Кольцо, сустав, очки, брюки серые потрепанные... А, значит, это все-таки был я! Извините.

– Что ты знаешь! У него печень, почки, селезенка... Весь этот ливер он лечит уже шестой год.

– А вы где?

– Я в санатории.

– А нас вчера возили в оперный.

– Внимание! Катер «Маршал Катуков» через десять минут...

– «Если в жизнь твою коровью исковеркали любовью...»

Откройте глаза. 24 марта. Никого. Пустынный пляж. Ветер свободно носится в голых ветвях. Прямые углы новых районов, параллельно, перпендикулярно. Приезжие зябнут в плащах.

– Скажите, где можно увидеть старую Одессу?

– На кладбище.

– Неверно, старого кладбища уже тоже пока нет. Есть сквер, молодые деревья на месте старых могил о чем-то символически молчат. Так и живем, не зная, кто от кого произошел, определяя на глаз национальность, сразу думая о нем худшее, вместо того чтобы покопаться...

Вдали трубы заводов, новые районы, по которым сегодня этот город можно отличить от других. Дети из скрипок ушли в фигурное катание, чтоб хоть раз мелькнуть по телевиде-

нию. Новый порт, аммиачный завод, ВАЗ-2101, 02, 03...

Но закройте глаза... Проступают, отделяются от старых стен, выходят из дикого винограда, из трещин в асфальте и слышны, слышны, слышны...

– Вы же знаете, у него есть счетная машинка, он теперь все подсчитывает. Услышал об урожае, пошевелил губами, достал машинку и что-то подсчитал. То ли разделил урожай на население минус скот, то ли помножил свои дни на количество съедаемого хлеба и сумму подставил под урожай в качестве знаменателя. У него есть счетная машинка, он все время считает, он как бы участвует в управлении страной. Он прикинул количество чугуна на каждую нашу душу. А бюджеты, расходы, займы... У нас же никогда не было времени считать, мы же не могли проверить. Теперь Госплану нужно действовать очень осторожно, потому что он его все время проверяет. Мальчику десять лет, и он такой способный.

– Андруша-а-а!

– Я вам говорю: кто-то ловит рыбу, кто-то ловит дичь, кто-то ищет грибы. Этот ищет деньги и находит дичь, грибы и рыбу.

– Андруша-а-а!..

– Я с женщин ничего не снимаю, жду, пока сойдет само...

– Какой он сатирик? Он же боится написанного самоим собой! Что вы его все время цицируете?

О Боже, сохрани этот город, соедини разбросанных, тех,

кто в других местах не может избавиться от своего таланта и своеобразия. Соедини в приветствии к старшему, преклони колени в уважении к годам его, к его имени, обширному, как материк. Многие из нас родились, жили и умерли внутри этого имени. Да, что-то есть в этой нервной почве, рождающей музыкантов, шахматистов, художников, певцов, жуликов и бандитов, так ярко живущих по обе стороны среднего образования! Но нет специального одесского юмора, нет одесской литературы, есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания. Есть живой человек, степной и горячий, как летний помидор, а есть бледный, созревший под стеклом и дозревший в ящике. Он и поет про свою синтетику, и пишет про написанное. А писать, простите, как и писать, надо, когда уже не можешь. Нет смысла петь, когда нечего сказать, нет смысла танцевать, когда нечего сказать. И если у человека есть его единственное движимое имущество – талант, – он и идет с ним, и поет им, и пишет им, и волнует им, потому что талант – это очень просто, это переживать за других.

К морю

Я обнимаю вас, мои смеющиеся от моих слов, мои подхватывающие мои мысли, мои сочувствующие мне. И пойдем втроем, обнявшись, побредем втроем по улице, оставим четвертого стоять в задумчивости, оставим пятого жить в Алма-Ате, оставим шестого работать не по призванию и пойдем по Пушкинской с выходом на бульвар, к Черному морю. Пойдем весело и мужественно, ибо все равно идем мужественно – такой у нас маршрут. Пойдем с разговорами: они у нас уже не споры – мы думаем так. Пойдем достойно, потому что у нас есть специальность и есть в ней мастерство. И что бы ни было – а может быть все и в любую минуту, – кто-то неожиданно и обязательно поможет нам куском хлеба. Потому что не может быть – их были полные залы, значит, будущее наше прекрасно и обеспечено.

Мы пойдем по Пушкинской прежде всего как мужчины, потому что – да, – потому что нас любят женщины, любили и любят. Мы несем на себе их руки и губы, мы живем под такой охраной. Мы идем легко и весело, и у нас не одна, а две матери. И старая сменится молодой, потому что нас любят женщины, а они знают толк.

Мы идем уверенно, потому что у нас есть дело, с благодарностью или без нее, с ответной любовью или без нее, но – наше, вечное. Им занимались все, кто не умер, – говорить по

своим возможностям, что плохо, что хорошо. Потому что, когда не знаешь, что хорошо, не поймешь, что плохо. И бог с ним, с наказанием мерзости, но – отличить ее от порядочности, а это все трудней, ибо так в этом ведре намешано. Такой сейчас большой и мужественный лизоблюд, такое волевое лицо у карьериста... И симпатичная женщина вздрагивает от слова «национальность» даже без подробностей.

Мы пойдем легко по Пушкинской, потому что нас знают и любят, потому что люди останавливаются, увидя нас троих, и улыбаются. Это зыбкая любовь масс. Это быстротечно, как мода. Мода быстротечна, но Кристиан Диор живет. И у нас в запасе есть огромный мир на самый крайний случай – наш внутренний мир.

Три внутренних мира, обнявшись, идут по Пушкинской к морю. К морю, которое, как небо и как воздух, не подчинено никому, которое расходится от наших глаз вширь, непокоренное, свободное. И не скажешь о нем: «Родная земля». Оно уходит от тебя к другим, от них – к третьим. И так вдруг вздыбится и трахнет по любому берегу, что попробуй не уважать.

Мы идем к морю, и наша жизнь здесь ни при чем. Она может кончиться в любой момент. Она здесь ни при чем, когда нас трое, когда такое дело и когда мы верим себе.

Коротко о себе

У нас сатириками не рождаются, их делает жизнерадостная публика из любого, ищущего логику на бумаге. А при отсутствии образования, лени, нежелании копаться в архивах и жить бурной жизнью костного хирурга писать не о чем. Переписывать то, что написано классиками, не получается, ибо нравится, как написано. Шутить и хохотать по любому поводу хочется, но уже физически трудно. А тот, кто с размаху падает на тротуар, гремя кастрюлями и разбрызгивая кефир, вызывает сочувствие, а не хохот, что, конечно, плохо отражается на так называемой литературе.

Заметил в себе: тороплюсь оградить тех, кто незаметно стареет, от мудрости, этого жалкого состояния физического слабосилия, когда истины не знаешь так же, как и все, но почему-то стыдишься этого.

А полное отсутствие юмора и большое уважение к собственным словам создают интонацию, которая ее заменяет. Оглянувшись вокруг и увидев, что многочисленные разоблачения, монологи, фельетоны и указывания пальцем только веселят уважаемую публику, а не приводят к немедленному уничтожению недостатков, он заметно сник, поглупел и стал подумывать о тихом возделывании настоящей мало-плодородной почвы где-нибудь в окрестностях Москвы под Одессой. После того как его однажды ошибочно пригласили

на большой концерт, а потом попросили не выступать и, когда это состоялось, столь горячо благодарили и так одарили подарками и бутылками, что он задумался: может, с таким огромным успехом и продолжать не выступать при большом стечении народа, а слушать передачу «Наш сад» всей душой, с вопросами и письмами, и кормить людей помидорами, а не упреками.

У кассы

Для Р. Карцева и В. Ильченко

– Дайте мне два билета по безналичному расчету, дайте!
Мне подождать? Я подожду. Дайте мне два билета по безналичному расчету, дайте мне. Подождать? Я подожду. Дайте мне два билета, дайте!

– А вы кто такой?

– Я Петров, уполномоченный.

– Чем вы докажете, что вы – Петров?

– Вот мое удостоверение! Видите? Вот!

– Мало ли что я вижу. Я все вижу. Вот верю ли я?

– Вот письма на мое имя, вот бланки, читайте, все – Петрову, читайте!

– Можете мне все это не показывать. Чем вы докажете, что вы – Петров?

– Вот моя доверенность!

– А чем докажете, что она ваша?

– Удостоверение, фотокарточка! Сличайте! Сличайте!!

– Похоже, ну и что?

– Это – я!

– А это – я.

– Это мое удостоверение!

– Чем докажете?

– Родинка, видите, вот!

– Ну-ну.

– Видите – родинка?

– Ну.

– И вот родинка. Видите?

– Ну и что?

– Я встану вот так, а вы сличайте меня, сличайте!

– Есть сходство. Доверенность на Петрова?

– Да!

– Вот он придет, я ему и дам.

– Он пришел, я уже здесь!

– Чем докажете, что вы Петров?

– Удостоверение!

– А чем докажете, что это ваше удостоверение?

– Фотокарточка!

– А чем докажете, что это ваша фотокарточка?

– Родинка!

– Чем докажете, что это ваша родинка?

– А чем вы докажете, что вы – кассир? Чем?

– Я – кассир! Вот деньги, билеты, окошко и надпись: «Си-

доров – кассир».

– Вы не Сидоров – кассир!

– Нет, я кассир!

– Вы не кассир!

– Нет, я кассир!

– Вы пришли с улицы и сели, а кассира убили! Труп – в

сейф!

– Что ты плетешь? Вот сейф пустой, ты что?

– Убрали, успели и сели вместо него. Вы не Сидоров – кассир!

– Да ты что? Вот паспорт на десять лет, дурака валяешь!

– А паспорт отняли!

– А карточка?

– Наклеили!

– А печать?

– Выкрали из милиции. Зарезали паспортистку, достали бланк, заполнили ее рукой, кровь смыли. Вы же смыли всю кровь! Зачем вы смыли кровь?

– Да ты что? Вот, все знают, все подтвердят. Ребята, кто я?

– Ничего не значит, вы сговорились!

– Да вот мой начальник!

– Это не он.

– Лаптев!

– Врет!

– Константин Петрович!

– Притворяется. Как ты сюда попал, убийца? Ты убил кассира? Ты его... Зачем ты его убил? Что он тебе сделал? Сидел человек, работал, а ты взял да его кокнул. Убийца!

– Да чего ты, чего ты, чего ты?! Я двадцать лет тут сию работаю, чего ты?

– Я вот тебя сейчас уколошу, сам сяду. Что, я буду Сидоров – кассир?

- А я умею работать, а ты нет!
- Тебя выучили и подготовили.
- Я выдаю деньги и получаю зарплату!
- Ты не кассир!
- Ну а кто я?
- Какой ты кассир?
- Ну а кто я?
- Не кассир, и все!
- Ну а кто я?
- Ты танкист. Я тебя узнал.
- А-а, вот ты и влип! Я же не умею заводить танки!
- Научат!
- Я даже не знаю, как в него влезть.
- Покажут!
- А где эти танки, где они?
- Узнай и приходи!
- Нет, я все-таки Сидоров – кассир!
- Нет!
- Возьми свои два билета, отстань от меня!
- Отойди от меня! (*Рвет билеты.*) Убийца!!!

Дегустация

Для Р. Карцева

Сейчас Дина Михайловна, наш зав. лабораторией, налила вам в мензурки сорт «Праздничный». Бокал специальный, дегустационный, из прозрачного стекла, чтобы был виден цвет. Превосходный рубин, переливающийся цветами солнечного заката. Легонько поколебали бокал. Товарищ, успеете, колебайте вместе со всеми, любуйтесь переливами цвета, товарищи, к глазу... прищурьтесь... любуйтесь... подождите... Товарищи... кусочки сыра лежат слева от вас. Ломтик сыра превосходно оттеняет аромат. Кто?.. Весь?.. С хлебом... Это специальный хлеб... У нас же программа. Сдерживайтесь, сдерживайтесь. Давайте освоим культуру питья. Ведь все равно же пьете, так почему не делать это с элементарным пониманием.

Итак, сорт «Праздничный» характеризуется ранним созреванием. Растет только у нас в Абрау... Товарищ, сплюньте, вы ж не поймете... Сплюньте, мы вас отстраним от дегустации из-за низкой культуры питья. Этот сорт созревает рано в августе... Это молодое вино, сохранившее аромат винограда и легкую терпкость, ощущаемую кончиком языка. Не глотаем. Не глотаем, набираем в рот глоток, не глотаем, а спокойно перекачиваем во рту. И внутренним обонянием

чувствуем аромат... То есть вначале аромат, затем, не глотая, пробуем терпкость молодого вина.

Итак, сорт «Праздничный». Так, взяли в рот... перекачиваем... Почему вы так неподвижны? Вы проглотили... И вы?.. Товарищи, что, вы все проглотили? Товарищи, перекачиваем... Еще набрали, не глотаем... перекачиваем, орошая небо и всю полость рта... Девушка, вам должно быть стыдно... Вот вам должно быть стыдно, вы – девушка, вы могли в и подождать, и перекачивать. Здесь и девичья гордость, и культура питья. С этим сортом у нас не получилось.

Дина Михайловна наливает вам сорт «Прибрежный»... Не хватайте ее за руку! Дина Михайловна, этому товарищу в последнюю очередь. Это лабораторное стекло, а вы выламываете у нее из рук. Доза специальная, дегустационная. Сыр вам еще положат. Нет, музыки здесь не положено. Вся суть в том, чтобы дегустировать в тишине. Мы с вами не пьем, подчеркиваю, мы запоминаем сорта вин... Товарищ, вы так ничего не запомните. Сыр обостряет обоняние, а ваша колбаса отобьет его не только у вас, но и у соседей.

Итак, сорт «Прибрежный» также относится к красным винам, к группе полусладких. Это естественная сладость винограда. Этот виноград завезен сюда примерно в 1862 году. Эй там, группа в углу, не надо потрошить воблу. Вобла идет к пиву. Товарищи! Товарищи! Не забывайте перекачивать во рту. Вы меня слышите... Дина Михайловна, Дина Михайловна, пожалуйста, колба № 3, сыр вон туда. Товарищи!

Сорт «Мускат левобережный» – неоднократно медалист, лауреат международных выставок, винодельческих съездов. Сладость естественная, своеобразный аромат, чуть-чуть купажированный, купаж – это виноградной выжим. Товарищи... Тише... Я не пою, и Дина Михайловна не поет. Мы не поем... По коридору справа... Товарищи, этот сорт требует особого внимания. Мы продаем его за валюту. Обратите внимание на броский горячий аромат, на густоту цвета. Перекатывайте во рту и сплевывайте. Сплевывайте... Культура застолья, питья состоит в элегантном держании рюмки вина, в любовании его цветом, в смаковании его вкуса, в понимании его возраста и назначения... Запивать его пивом... ни в коем случае... Товарищ, товарищ, это к вам относится. Пиво с крепким красным дает ту полную невменяемость, которой вы так добиваетесь... Я понимаю, но почему вы так этого хотите?.. Товарищи, культура застолья... нет, не подстолья, а застолья... Нет у нас пластинок Пугачевой. Товарищи, это дегустация. Дина Михайловна, попросите эту пару вернуться к столу и запирайте лабораторию. Почему вы так добиваетесь этой невменяемости? Вы хотите воспринимать окружающее или нет?.. А как вас будут воспринимать? В каком виде вы посреди окружающего? Почему вы так упорно не хотите воспринимать окружающее? Для чего ж вы смотрите, если не воспринимаете? Мозг в таком состоянии не способен усваивать информацию. Мы добиваемся культуры питья... мы хотим, чтоб, и выпив, вы оставались личностью... Ну для то-

го, чтобы добиваться успехов... ну там по службе... Вы уже были личностью... и что... не верю, что вы от этого стали пить... Все... Я не врач... Я винодел.

Товарищи!.. Кто еще не хочет или уже не может воспринимать окружающее, перейдите к тому столу, Дина Михайловна вам подаст сливы. Нет, не плоды – сливы разных остатков. Это то, что вам нужно... Ах, вы так ставите вопрос?! Как же вы хотите, чтоб вам было хорошо, если вам сейчас будет нехорошо? Так... что, Дина Михайловна? Ужас... товарищи... За стеклянной дверью упакованная мебель для ремонта. Кто, простите, распаковал унитаз? Он же ни с чем не соединен! Это для ремонта... Немедленно разгоните очередь...

Нет. Такого у нас нет. Повторяю для всех. Такого, чтоб забыть эту жизнь к чертям или, как вы выражаетесь, у нас нет, для этого лучше эмигрировать. Только вы там будете пить и вспоминать эту жизнь, которую вы здесь хотели забыть...

Нет, с помощью наших сортов вы не уедете... Вам нужна сивуха.

Так, товарищи, это не дегустация, а диспут. Я к нему не готов, а вы не в состоянии физически.

Ничья.

На складе

Для Р. Карцева и В. Ильченко

Главная мечта нашего человека – попасть на склад.
Внутрь базы. В середину.

– Скажите, это склад? Тот самый?

– Да.

– Слава богу. Я пока к вам попал... Ни вывески, ничего.
Мне сказали, что здесь все есть. Я не верю конечно.

– Что вам?

– Вот это я могу... вот это что?

– Сколько?

– Одну можно?

– Сколько?

– Полторы.

– Дальше.

– А у вас есть?.. Подождите, а можно с женой? Я мигом.
Я только здесь.

– Пропуск на одного.

– А позвонить?

– Отсюда нельзя.

– А сюда?

– И сюда нельзя. Быстрее. У меня кончается рабочий день.

– А завтра?

- Пропуск на сегодня.
- А вы мне поможете?
- Я не знаю, что вам нужно.
- Ну что мне нужно, ну что мне нужно? Мне нужно... Ой, ой... ой, ну что мне нужно, Господи? А что у вас есть?
- Что вам нужно?
- Ну что мне нужно?.. Ну лекарства какие-нибудь.
- Какие?
- А какие у вас есть?
- А какие вам нужно?
- Ну... (*всхлип*) пирамидон.
- Сколько?
- Да что пирамидон! Ну что вы, в самом деле? Мне нужно... Ой... Ну что пирамидон... Ну пирамидон тоже... Ой...
- Сколько?
- Ну десять... Что я с пирамидоном?..
- Восемь?
- Да. Десять, десять.
- Пожалуйста.
- Пятнадцать.
- Пожалуйста.
- А можно еще две?
- Можно.
- И еще одну.
- Хорошо. Дальше.
- А что у вас есть?

– Что вам нужно?

– Что мне нужно? Что вы пристали? Мне сказали: в порядке исключения для поощрения.

– Так вы отказываетесь?

– Что-о! Кто? Я?! Из одежды что-нибудь?

– Что?

– Шапки.

– Одна.

– Да. Две.

– Дальше.

– И еще одна.

– Три. Дальше.

– Пишите четвертую.

– Так. Обувь?

– Сандалий импортных нет?

– Есть.

– Белые.

– Сколько?

– Белые!

– Сколько?

– Они белые?

– Белые.

– Две.

– Пары?

– Одна и джинсы.

– Белые?

– Синие одни. А что, и белые есть? То есть белые две и сандалии две.

– Пары?

– Одна... Нет, две и джинсы. Две и джинсы одна.

– Пары?

– Две.

– Две?

– Три.

– Три.

– Четыре, и будет как раз, потому что мне не только... Я хотел... тут надо для...

– Нет.

– Меня... но я просто сбегаю... А что у вас из продуктов питания?

– Что вас интересует?

– Меня интересует, ну, поесть что-нибудь. Вот, например, ну хотя бы, допустим, колбаса.

– Батон?

– Два. А хорошая?

– Два.

– Три. А какая?

– Какая вас интересует?

– Ну, такая... покрепче...

– Значит, три.

– А что, есть? Четыре.

– Четыре.

– Пять.

– Ну...

– Ясно... Четыре, а один чуть раньше.

– Значит, пять.

– Почему – пять? Один раньше.

– Дальше.

– Что есть?

– Что вас интересует?

– Что? Ну, вот эти... Как их? Крабы есть?

– Сколько? Одна?

– Две.

– Две.

– Три.

– Три.

– Четыре.

– Четыре... Ну?

– Ясно... Я слышал, такие бывают языки... такие оленьи... Я понимаю, что...

– Сколько?

– Кило.

– Они в банках.

– Одна... Нет, две... Или три... Чтоб уже сразу. Ну, если вам все равно – четыре.

– Вы их не будете есть. Они своеобразного посола.

– Тогда одну.

– Одна.

- Две. Себе и на работе.
- Нельзя. Только вам.
- Ну да, я съем сам. Вы сможете посмотреть.
- Одна.
- Нет. Две. Вдруг подойдет. Я тут же – вторую.
- Две.
- Нет, одна. Денег не хватит. Скажите, а вот, допустим, рыба.
- Сколько?
- Нет. А вот свежая.
- Живая, что ли?
- А что? Вот живая.
- Какая?
- Живая-живая.
- Какая вас интересует?
- Кого, меня? Меня интересует... сазан.
- Сколько?
- А сом?
- Сколько?
- Тогда стерлядь.
- Сколько?
- Форель.
- Ну?
- Есть?
- Сколько?
- Три.

- Три.
- Четыре.
- Четыре.
- Четыре и стерлядь.
- Пять.
- И сом.
- Испортится он у вас.
- Тогда один.
- Пишу сразу два. Но они испортятся.
- Пишите три... пусть портятся. Вобла.
- Сколько?
- И пиво.
- Какое?
- А какое есть?
- Какое вас интересует? У нас восемь сортов.
- А какое меня интересует? «Жигулевское». Оно вроде лучше.
- Ящик?
- Бутылку.
- Все?
- Все. Водка есть?
- Какая?
- «Московская».
- Сколько?
- Сто.
- Бутылок?

- Грамм.
- Здесь?
- Да. А у вас есть? (*Шепчет.*)
- Сколько?
- Два.
- Потечет.
- Заткну. А есть? (*Шепчет.*) Живой?..
- Сколько?
- Два.
- Два.
- Четыре.
- Мы гоним только до ворот. Там гоните сами.
- А есть (*шепчет*) для?..
- Мужской, женский?
- Я думал, он общий.
- Ну?
- Тогда женский.
- Один?
- И мужской.
- Один?
- По два.
- По два.
- По три и... детский.
- Детских не бывает. Это же дети. Вы соображаете?
- Тогда по четыре и еще один мужской и один женский.
- Значит, по пять.

– Значит, по пять и еще по одному.

– Да вы их не израсходуете за десять лет.

– Тогда все. Тогда по шесть и еще по одному потом, и все.

– Значит, по семь.

– И еще по одному потом. А я слышал... (*шепчет*) бывают американские против... (*Шепчет.*) Невозможно, а мне... (*шепчет*), а мне... (*шепчет*), очень... (*шепчет*) я с детства... (*шепчет*), врожденное... (*шепчет*), говорят, чудеса... а мне... (*шепчет*) она.

– Сколько?

– Что, у вас есть?!

– Сколько?

– Двести.

– Это мазь.

– Десять.

– Определенное количество на курс.

– Сколько?

– Не знаю, может, сто.

– Сто пятьдесят, здесь намажу и возьму с собой.

– Хорошо, сто пятьдесят.

– Валенки есть?

– Сколько?

– Не нужно, это я так.

– Все?

– Мне еще хотелось бы...

– Все.

– Ну пожалуйста.

– Все! (*Лязгает железом.*) Сами повезете заказ?

– А что, вы можете?

– Адрес?

– Все положите? Может, я помогу?

– Куда везти?

– На Чехова... то есть на Толбухина. А в другой город можете?

– Адрес?

– Нет, лучше ко мне. Хотя там сейчас... Давай на Красноярскую. Нет, тоже вцепятся. Давай к Жорке. Хотя это сука. А ночью можно?

– Кто ж ночью повезет?

– Тогда замаскируйте под куст.

– Не производим.

– Тогда брезентом. Я палку найду под оружие – и на вокзал. Слушай, двух солдат при оружии.

– Не имеем.

– А настоящее оружие дадите для сопровождения, тоже под брезентом?

– Так что, два оружия поволокешь?

– А что? Два оружия, никто не обратит. А если колбасу... Ну хоть пулемет?

– Это гражданский склад. Севзапэнергодальразведка.

– Мне до вокзала. Там – на платформу, сам охраняю, и – на Север.

– Ты же здесь живешь.

– Теперь я уже не смогу. Не дадут. Плохо – живи. А хорошо... Не дадут.

Я люблю Новый год

Я люблю Новый год. Люблю, потому что зима. Все бело. Падает снег. Все под снегом. И в новом районе, где я живу, открываются новые пути. Каждый идет не по асфальту, а как удобнее.

Новый год. Открываются новые двери в новых домах. Новые люди. Я сижу в новом доме в новой квартире, и напротив меня такая же фигура в таком же окне такой же квартиры и такое же ест, так же ходит вниз за газетами и кивает мне: с Новым годом!

В новом году хочется самого разнообразного. В новом году хочется меньше ссор друг с другом. Просто надо уяснить, что никто не виноват. У вас от него течет крыша, а у него от вас не гнется рукав и вылезает сделанная вами зубная щетка, поэтому речь неразборчива, вся щетина в зубах торчит. И подай ты ему борща повеселей – ему же тебя завтра брить опасной бритвой. Не раздражай ты его, уж так и быть.

В новом году и в семье хочется поспокойнее. В крайнем случае – ну, бери зарплату, сам распределяй, сам соли, сам жарь. То есть в новом году – еще внимательнее к женщине: надо ее одевать, и опрыскивать хорошими духами, и мазать прекрасными кремами. И пора легкой промышленности работать на нее. Сосредоточиться хоть бы на ней, а мы уж в своих пальто пока и в брюках пока неглаженных, габардиновых,

что от отца к сыну, — трамваи ими царапаешь. Год Женщины закончился, но жизнь женщин продолжается. Это можно заметить, если оглянуться.

Больше юмору в новом году. Еще больше мыслей вам, инженеры и писатели. Хорошей мимики вам, актеры и автоинспекторы. Крепких ног вам, танцоры и продавцы. Тонкого чувства меры вам, драматурги и повара.

Новый год. Сорок раз я встречал Новый год, из них двадцать пять — сознательно. Вначале это какое-то чудо счастливое, потом, когда они пошли побыстрее и стали мелькать, как понедельники, встречи пошли не такие оглушительные, а нормальные.

Мне, конечно, хочется видеть в новом году и счастливые лица, и полные магазины по ту сторону продавца, и полные театры по эту сторону артиста. И много хороших глаз со всех сторон. А время летит быстро, когда делаешь что-то интересное, и оно страшно тянется, когда ждешь звонка об окончании дня.

Нехорошие все-таки люди придумали календарь и завели часы. И все это мелькает, и тикает, и блямкает, и трещит, и звенит. И ходит нормальный, хороший, веселый человек и не подозревает, что ему шестьдесят, и не говорите вы ему...

Это астрономы поделили жизнь на годы, а она идет от книги к книге, от произведения к произведению, от работы к работе, и если уж оглянуться, то увидеть сзади не просто кучу лет, а гору дел вполне приличных, о которых не стыдно рас-

сказать друзьям или внукам где-нибудь в саду когда-нибудь летом за каким-нибудь хорошим столом.

А семьдесят шестой уже пошел, уже начал разгоняться. А что в нем будет и как он пройдет, мы узнаем в такой же зимний день 1 января 1977 года. Счастливого вам Нового года!

Я при себе

Для Р. Карцева

Ничего не разрешаю себе уничтожать. Все старые вещи при мне. Мне пятьдесят, а все мои колготочки при мне, все ползуночки, носочки, трусики, маечки, узенькие плечики мои дорогие. Тоненькие в талииньке, коротенькие в ростике. Дорогие сердцу формочки рукавчиков, ботиночки, тапочки, в которых были ножки мои, ничего не знавшие, горя не знавшие ножки. Фотографии перебираю, перебираю, не выпускаю. Ой ты ж пусенька. Это же я! Неужели? Да, я, я. Документики все держу: метричку, справочки, табель первого класса, второго, дневники, подправочки, все документики при себе, все справочки мои дорогие, пальцем постаревшим разглаживаю немых свидетелей длинной дороги.

Все честно, все документировано, ни шагу без фиксации. В случае аварии, какую книгу хватаете на необитаемый остров? Справки. Вдруг сзади – хлоп по плечу. А-а! Это на острове?!..

– Где был с января по февраль тысяча шешешат?..

– Вот справка.

– Где сейчас находится дядя жены?

– А вот.

– Где похоронен умерший в тышяшя восемьдесят брат па-

пы дедушки по двоюродной сестре?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.